

Особенности объективации в языке различных временных отрезков в рамках субъективной оценки их длительности

Features of objectification in the language of various time periods within the framework of a subjective assessment of their duration

Екимцова Е.Н.

Аспирант кафедры русской филологии и журналистики, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград
e-mail: lizaekimtsova18@yandex.ru

Ekimtsova E.N.

Postgraduate student of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd
e-mail: lizaekimtsova18@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию лексической репрезентации субъективно-оценочного восприятия времени в русском языке. В центре внимания находится феномен дисторсии времени, при котором субъективная оценка длительности временного интервала отличается от его объективной хронометрической величины. Ключевой задачей исследования является ответ на вопрос, каким образом явление дисторсии времени находит отражение в семантике лексем, номинирующих временной отрезок, и как объективная продолжительность интервала влияет на качество его субъективного переживания. На материале Национального корпуса русского языка с применением синхронно-диахронного подхода проводится сопоставительный анализ лексем разной временной длительности: минута, час, неделя. Характеризуется дисторсионная модель «Сжатие момента». Отмечается системный характер связи между объективным временем, его субъективным восприятием и языковыми средствами его объективации.

Ключевые слова: темпоральность, временной отрезок, субъективное восприятие времени, дисторсия времени, синхронно-диахронный анализ, языковая репрезентация времени, лексема минута, лексема час, лексема неделя.

Abstract

The article is devoted to the study of the lexical representation of the subjective-evaluative perception of time in the Russian language. The focus is on the phenomenon of time distortion, in which the subjective assessment of the duration of a time interval differs from its objective chronometric value. The key objective of the study is to answer the question of how the phenomenon of time distortion is reflected in the semantics of lexemes nominating a time interval, and how the objective duration of the interval affects the quality of its subjective experience. Based on the material of the National Corpus of the Russian language, a comparative analysis of lexemes of different time durations is carried out using a synchronous-diachronic approach: minute, hour, week. The distortion model of "Moment compression" is characterized. The systemic nature of the relationship between objective time, its subjective perception and linguistic means of its objectification is noted.

Keywords: temporality, time interval, subjective perception of time, time distortion, synchronous-diachronic analysis, linguistic representation of time, lexeme minute, lexeme hour, lexeme week.

Категория времени является универсальной концептуальной категорией, номинирующей процесс осознания субъектом последовательности каких-либо событий, их продолжительности, одновременности и т.д. Её отражение в языке происходит на разных уровнях. Говоря о лексическом уровне, мы, прежде всего, обращаемся к смысловому наполнению лексемы, ее различным оттенкам и способам обозначения временных понятий.

Особый исследовательский интерес представляет анализ не столько хронометрических, сколько субъективно-оценочных значений временных лексем. В этом контексте мы можем говорить о том, что время в языке может отражать не только объективное значение, когда речь идет о передаче точной количественной характеристики темпоральной величины, но и субъективную величину, которая зачастую значительно отличается от объективной характеристики. Такое явление Д.С. Лихачев назвал субъективным феноменом, когда «время кажется то текущим медленно, то бегущим быстро, то катящимся ровной волной, тодвигающимся скачкообразно, прерывисто» [1, с. 278]. Другие исследователи также обращали внимание на связь времени как нечто реального и его восприятия человеком. Так, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев отмечают, что время в большей степени, чем другие речемыслительные категории, отражающие атрибуты действительности, связано с переживающим это время субъектом, его оценкой и его ощущением времени [2, с. 236]. Н.Д. Арутюнова разделяет понятие времени на две модели и отмечает, что в абстрактной модели время формально, оно удалено от мира и человека, поэтому не выступает в роли звена связующего события. Однако, когда в это пространство помещается человек, картина меняется и время наполняется событиями. «Входя» в модель времени, человек вносит в нее точку и движение, а вместе с ним и направление движения [3, с. 687]. В.Г. Гак также утверждает, что время получает оценку в связи с действиями субъекта и состоянием окружающей среды [4, с. 129]. Таким образом, можно говорить, что время представляет не только объективную величину, оно может включать отражение субъективной оценки, когда временная продолжительность отличается от реальной объективной длительности. Появление субъективной точки зрения при оценке темпоральной величины наполняет время событиями и «оживляет» его.

Мы считаем, что субъективное восприятие времени представляет собой так называемое явление дисторсии (англ. *time perception distortion*), которое находит отражение в языке. Понятие дисторсии изучается прежде всего в психологии и нейронауках и в самом общем виде обозначает субъективное восприятие человеком того или иного временного отрезка, промежутка и т.п. [5, с. 21]. Данное явление предполагает субъективное удлинение или сокращение временных промежутков, оно может быть обусловлено следующими факторами: различные эмоциональные состояния субъекта, особенности внимания, сенсорные стимулы, когнитивные нагрузки и даже социальные или травматические события. И.П. Кудрявцева отмечает, что положительные эмоции приносят обманчивое впечатление скорого течения времени, а отрицательные – субъективно удлиняют временные интервалы [6, с. 96]. Таким образом, дисторсия проявляется в моменты высокой эмоциональной интенсивности и искажает ощущение течения реального времени субъектом. В языке данное явление объективируется при помощи различных средств.

Применительно к проблеме отражения в языке такого сложного явления как дисторсия, на наш взгляд, целесообразно структурировать средства-репрезентанты с точки зрения процесса моделирования [7]. В рамках данной статьи обратимся к сопоставлению временных единиц различной длительности и рассмотрим одну из выделенных нами на основе фактического материала исследования дисторсионную модель «Сжатие момента». В качестве ключевых единиц, номинирующих временные величины, выступают *минута, час, неделя*. Исследование проведено в рамках синхронно-диахронного подхода: фактический материал представлен в рамках трех хронологических срезов – XIX, XX, XXI в. Материалом исследования послужил Национальный корпус русского языка (подкорпус художественной литературы) [8].

Обратимся к рассмотрению дисторсийной модели «Сжатие момента». Приведем примеры из различных периодов.

XIX век: *Неделя* промчалась незаметно, и вот Калистов снова отправился в город. [И.А. Салов. Мертвое тело (1859) // «Русский вестник», 1879]; *Час* мелькнул как *минута*, и негодование его вовсе было утихло ... [А.А. Бестужев-Марлинский. Испытание (1830)]; *Пролетела эта минута*, и мысль о безрассудной доверчивости к Василию и ненависть к людям, сменившие его радостное ожидание, его надежды на мир и счастье, подавили его душу. [Н.А. Полевой. Клятва при гробе Господнем (1832)];

XX век: *Будь здоров, Рабинович Григорий!* – сказали они, допивая... *Две недели* так быстро промчались. Закончился отпуск. [Сергей Довлатов. Блюз для Натэллы (1985)]; *И тут она не выдержала, обвила в его руках, рыдания прорвались помимо ее воли, и он, усадив ее на диван и опустившись рядом, стал гладить ее по голове, по плечам, целуя мокрое лицо, щеки, губы, глаза, лоб, почти физически чувствуя, что каждая новая минута становится короче и короче.* [Петр Проскурин. Черные птицы (1983)]; *Всего минута* подарена мне и Каричке, я уже беспокоюсь за эту минуту. [Евгений Велтистов. Глоток солнца (1967)];

XXI век: *Неделя* пролетела, как один миг, репортаж был готов, и Майкл покидал город. [Александр Карапац. Город мечты (2015)]; *Незаметно пролетел час.* Свернув с голубого шоссе, попетляв по горной дороге и переехав быструю речку, они оказались в селе. [Александр Проханов. Господин Гексоген (2001)]; *Все-таки хорошо, что он не видел ее сейчас: при нем она, пожалуй, стеснялась бы того, что сидит, держа в руках старую рубашку, и минута незаметно летит за минутой.* [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)].

Приведенная группа примеров включает контексты, актуализирующие сжатие временных интервалов. Ключевым моментом, объединяющим представленные контексты, является акцент на скоротечности, мимолетности темпорального промежутка, который в сознании говорящего «сжимается» до краткого, часто неуловимого мгновения. Семантически такое «сжатие момента» обычно выступает индикатором качественного состояния жизни или сознания. Оно маркирует периоды, когда субъект максимально поглощён какой-либо деятельностью, это может быть творчество, состояние влюблённости или выполнение рабочих задач, главное состоит в том, что в этот момент внимание субъекта полностью включено в какой-либо процесс, который, в свою очередь, вытесняет саморефлексию о течении времени. В данных контекстах проявляется следующая закономерность – чем полнее и насыщеннее отрезок жизни, тем короче он ощущается.

Перейдем к сопоставлению темпоральных величин различной длительности *минута*, *час*, *неделя*, в рамках которых находит отражение данная дисторсийная модель.

В основе модели величин *минута* и *час* лежит их непосредственная близость к точке происходящего события или действия, к переживанию какого-либо момента или мгновения. Сжатие величин *минута* и *час* свидетельствует о состоянии полной психофизиологической вовлеченности или автоматизма, при котором механизмы восприятия времени практически полностью отключаются. Такое сжатие носит характер физиологической реакции, где временной отрезок перестает существовать как осознаваемая длительность в потоке действий или при высокой степени концентрации на чем-либо. Иными словами, краткость минуты и часа является показателем глубины погружения в процесс, когда само восприятие течения времени практически исчезает.

Если говорить о сжатии более продолжительного временного интервала (*недели*), то объяснить данный феномен физиологией непосредственного восприятия становится сложнее. *Неделя* из-за своей объективной длительности превышает порог мимолетного чувственного опыта, поэтому ее быстротечность всегда является результатом более сложной когнитивной ретроспекции, работы памяти и рефлексии. Это не исчезновение времени из поля внимания, а его качественная трансформация в оценке субъекта. Модель сжатия *недели* работает на стыке нескольких факторов. *Неделя* может ощущаться более быстро из-за отсутствия ярких событий, здесь можно говорить не о монотонности и растяжении времени,

а скорее о потере ощущения времени, когда одна *неделя* сменяется другой, но это никак не отражается на эмоциональном состоянии субъекта. Однако чаще всего ощущение быстротечности возникает из-за избытка событий, когда создается эффект «временного уплотнения» и множество действий складываются в один отрезок, который начинает восприниматься как слишком малая и недостаточная для их объема величина.

Сжатие величин *минута*, *час* и величины *неделя* отражает процесс разного восприятия времени субъектом в рамках одной дисторсийной модели. В случае с более краткими временными промежутками мы можем говорить о глубине погружения в действие или событие, которое происходит «здесь и сейчас», т.е. в течение более короткого временного интервала. Говоря о неделе, мы отмечаем отличающуюся специфику организации и оценку личной или социальной хронологии в более широком временном масштабе.

Итак, феномен дисторсии времени позволяет нам еще раз убедиться в антропоцентричности языка. Зачастую язык фиксирует время не как физическую или астрономическую величину, а как форму человеческого опыта. Устойчивость и продуктивность данной модели демонстрирует, что в языковом сознании закреплён факт несовпадения «времени по часам» и «времени по ощущениям». Это подчеркивает значительную роль субъекта как активного создателя собственных временных рамок, когда внутреннее состояние способно кардинально трансформировать восприятие внешних хронологических координат.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что субъективно-оценочное восприятие времени находит системное отражение в языке на лексическом уровне. Сопоставительный анализ единиц различной темпоральной продолжительности (*минута*, *час*, *неделя*) в рамках синхронно-диахронного подхода позволяет выявить не только общие модели изменения временного восприятия в зависимости от субъективной точки зрения и различных обстоятельств, но и их качественную спецификацию, обусловленную объективной длительностью интервала.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о системном характере языковой репрезентации субъективного восприятия времени. Как показал проведенный сопоставительный анализ, аналогичные дисторсийные модели не являются однородными и претерпевают изменения в зависимости от того, какую темпоральную величину они отражают. Менее длительный интервал (*минута*) преимущественно маркируют актуальное, ситуативно-мгновенное переживание, связанное с психофизиологическими состояниями и концентрацией внимания. Более продолжительные временные промежутки (*час*, *неделя*) отражают рефлексивно-оценочный уровень, служат для концептуализации и рефлексивной оценки этапов жизни.

Таким образом, объективная продолжительность темпорального отрезка выступает ключевым фактором, определяющим, какой аспект временного опыта актуализируется в значении объективирующей его лексемы. Феномен дисторсии времени в этом случае помогает установить соответствие между длительностью интервала и качеством его субъективного переживания.

Литература

1. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1971.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Темпоральный дейксис // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 236-242.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека // Н.Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 122–130.
5. Екимцова Е.Н. Растяжение / сжатие временного промежутка "**Час**" в русской лингвокультуре / Е.Н. Екимцова // Начала Русского мира. – 2025. – № 8. – С. 20-26.

6. Кудрявцева И.П. (2017). Выражение субъективного восприятия времени фразеологическими единицами современного английского языка (на материале художественной литературы). Вестник ТГПУ, 10(187), С. 96-102.
7. Милованова М.В. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении: монография. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. – 408 с.
8. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.10.2024).